

УДК 821.161.1-1 Сумбатов

Титова Н.С.

Московский государственный областной университет

**В.А. СУМБАТОВ И А.А. ФЕТ:
К ВОПРОСУ О ДИАЛОГИЧЕСКОМ ВЗАИМОДЕЙСТВИИ**

N. Titova

Moscow State Regional University

V. SUMBATOV AND A. FET: ON DIALOGICAL INTERACTION

Аннотация. В статье обосновывается актуальность проблемы изучения диалога поэта первой волны русской эмиграции В.А. Сумбатова с А.А. Фетом. Важную роль в судьбе Сумбатова сыграла «бабушка-тётушка», в доме которой он воспитывался, – писательница, переводчица, генеалог Н.М. Соллогуб, которая была другом Фета и которой Фет посвятил несколько стихотворений. Автор статьи приходит к выводу, что широко понимаемый творческий диалог позволяет развенчать устоявшиеся мифологизированные представления, – в частности, прочтение Сумбатовым лирических произведений Фета подтверждает наблюдения В. Шеншиной, что Фет был глубоко духовной религиозной личностью. Привлекаются для аргументации архивные материалы. В конце статьи намечаются возможные пути дальнейшего исследования взаимодействия духовных и литературных контекстов творчества Фета и Сумбатова.

Ключевые слова: поэзия первой волны русской эмиграции, Афанасий Афанасьевич Фет, Василий Александрович Сумбатов, Наталья Михайловна Соллогуб, поэтические и духовные традиции, интертекстуальность, диалогическое взаимодействие, контекст.

Abstract. The article proves the applicability of the problem of study of the dialogue between the poet of the first wave of Russian emigration V. Sumbatov and A. Fet. The important role in Sumbatov's life played N. Sollogub, a writer and interpreter, who was a friend of Fet and the person Sumbatov was brought up by. The author comes to the conclusion that this creative dialogue with wide meaning allows to dispel some misconceptions, – in particular Sumbatov's interpretation of Fet's lyric supports the observations of V. Shenshina that Fet was a highly spiritual religious personality. The materials from archives are used for argumentation. At the end of the article some possible ways for further investigation of cooperation of spiritual and literary contexts of Fet's and Sumbatov's art are set.

Key words: poetry of the first wave of Russian emigration, Afanasiy Fet, Vasilii Sumbatov, Natalia Sollogub, poetic and spiritual traditions, intertextuality, dialogue cooperation, context.

В литературоведении, как и в других современных гуманитарных науках, проблемы изучения традиций и интертекстуальности тесно связаны с теорией «диалогического движения понимания» М.М. Бахтина [2, с. 381–384]. Его идея о личностно ориентированном характере диалога в искусстве, обогащённого необходимостью аксиологического подхода к русскому слову, выявлению его высокой духовности, является одной из важнейших доминант, определённым стержнем современных методологических парадигм. Широко понимаемый диалог художников различных эпох позволяет не только увидеть традиции предшественников в творчестве последователей, но и по-новому взглянуть на произведения классиков – благо-

даря реализации их идей (творческому прочтению, интерпретации и т. п.) в творчестве писателей более позднего времени.

Проблема изучения диалога Василия Александровича Сумбатова с Афанасием Афанасьевичем Фетом, взаимодействия духовных и литературных контекстов их творчества – предмет настоящей статьи.

О влиянии Фета на поэзию Сумбатова, прожившего в эмиграции в Италии более полувека, было заявлено Юрием Трубецким в рецензии на вторую книгу лирики, изданную в Милане: «Читая его [Сумбатова] стихи, невольно вспоминаешь таких поэтов, как Фет...» [11, с. 302].

На рубеже XX – XXI веков учёные в полный голос заговорили о современном звучании поэзии Фета. Исследователь русской литературы В.А. Шеншина выдвинула проблему преодоления общепринятых взглядов на жизнь и творчество выдающегося лирика, на его поэтическую концепцию и эстетическую позицию – в частности, предложила отказаться от односторонности «в устойчивом представлении Фета как раздвоенной и противоречивой личности», да ещё и с атеистическими убеждениями [16].

В Предисловии к монографии Шеншиной «Поэтическое мирозерцание»¹, опубликованной в 1998 г. и переизданной в 2003 г., В.Н. Аношкина отмечает, что в книге впервые осмысляются христианские, православные основы поэзии Фета: «Шеншина далека от наметившейся в прежней литературной критике традиции рассмотрения Фета как поэта ощущений, неосознанных поэтических созерцаний, бездумного певца и апологета красоты. Её занимает Фет-мыслитель, оригинальный философ в поэзии, следующий в русле русской и западно-европейской метафизической лирики» [16, с. 4]. В монографии Шеншина утверждает: «Чаще, чем другого поэта, Фета считали атеистом, что за последние 70 лет стало устойчивым мнени-

ем в фетоведении и поддерживалось такими учеными, как Б. Бухштаб и Л. Лотман...» [16, с. 15]. С этим мифом исследователь не может согласиться, поскольку «религиозность поэта определила своеобразие его взгляда на мир, как и убежденность в том, что поэт получает свой талант от Бога. Поэзия Фета изобилует отсылками к Библии и особенно к Новому Завету. Она охватывает жизнь Христа от Рождества до Воскресения» [16, с. 15].²

Этот вывод находит подтверждение в творческом диалоге, который ведёт с Фетом самобытный русский поэт первой волны эмиграции В.А. Сумбатов³ (1893–1977), чьё наследие корнями уходит в православное христианское миропонимание, обнаруживает связи с литературными и сакральными истоками: со Священным Писанием, святоотеческой и древнерусской литературой, с традициями поэзии XVIII и XIX вв.

Влияние Фета на поэзию Серебряного, да и всего двадцатого века значительно. Творчество поэта привлекает в последние десятилетия все более пристальное внимание исследователей, о чём свидетельствуют многочисленные монографии, сборники статей, защищённые диссертации, подготовка к изданию двадцатитомного полного собрания сочинений, неуклонно возрастающий интерес к ежегодно проводящимся Фетовским чтениям. В общем потоке работ выделим монографию Кошелева, выдвинув-

² В частности, Б.Я. Бухштаб писал, что «уже студентом-первокурсником Фет был непоколебимо убеждённым атеистом», и утверждал, ссылаясь на мнения Г.П. Блока, С.Л. Толстого, Б.А. Садовского, что таким же «непреклонным атеистом» непревзойдённый поэт-лирик «остался до конца жизни» [3, с. 14–15].

³ Л.Ф. Алексеева последовательно вводит творчество В.А. Сумбатова в контекст литературной эпохи XX века: в 2006 г. вышел составленный ею сборник «Прозрачная тьма»; проведены архивно-разыскные работы; подготовлены к печати и вышли в различных изданиях стихотворения поэта, перевод-переложение «Слова о полку Игореве», драматическая поэма «Распятие», роман в стихах «Русская Держава» и др.; опубликованы в различных научных сборниках статьи о жизни и творчестве Сумбатова. Итальянский славист С. Гардзонио и историк Н.П. Комолова также утверждали, что творчество Сумбатова должно быть включено в литературный процесс двадцатого века.

¹ Монография Шеншиной написана на основе её докторской диссертации «Метафизический и поэтический мир А.А. Фета», защищённой в Иллинойском университете (США).

шего задачу выработки целостного взгляда на мировоззрение Фета-художника и Фета-публициста и посвятившего свою монографию «Афанасий Фет: преодоление мифов» деконструкции многочисленных ложных версий, которыми окружены жизнь и творчество поэта [4].

Архивно-разыскные исследования, проведённые нами в 2008–2012 гг., изучение поэтического и эпистолярного творчества В.А. Сумбатова, его литературных интересов и предпочтений дают основание для аналогий между двумя поэтами, жившими в разные эпохи.

Нельзя не отметить сходство биографий Фета и Сумбатова: оба были офицерами, высоко ценили ношение аристократического титула. Так, В.А. Кошелев обратил особое внимание на то, что «Россия была сословным государством – и гордилась, и была сильна именно своей сословностью. Фет уже с детства привык осознавать себя “трёхсотлетним Шеншиным”, столбовым дворянином, представителем древнего и славного рода» [4, с. 14]. Сумбатов также гордился своим княжеским титулом, аристократическим домом своего отрочества и юности, стихотворения и письма подписывал: «Князь В. Сумбатов».

Связаны поэты и семьей Соллогубов, поскольку адресаты многих стихотворений и писем Фета входили в круг общения семьи Фёдора Львовича Соллогуба и его жены Натальи Михайловны, активное участие которых в общественной и культурно-исторической жизни Москвы, да и России в целом требует специального научного исследования.

В.А. Сумбатов, по его собственным воспоминаниям, а также по свидетельству внучки Елены Мариусовны Реста, с 11 лет воспитывался в доме графини Натальи Михайловны Соллогуб, урождённой Боде-Колычевой, (1851– 1915 / 1916(?)) – «тётушки-бабушки», как её называл сам будущий поэт-эмигрант в повести «Отрочество» [рукопись подготовлена к печати Л.Ф. Алексеевой]. Графиня Н.М. Соллогуб принадлежала к одному из самых знатных московских родов и сама

была генеалогом-специалистом – не только владелицей фамильного архива Колычевых, но и Членом Совета Историко-родословного общества. Об активном её участии в нём писал Н.П. Чулков: «Из членов И<сторико>-Р<одословного> О<бщества>, кроме Л.М. Савёлова, наиболее деятельное участие в составлении Родословной книги принимает гр<афиня> Н.М. Соллогуб» [15, с. 564].

Наталья Михайловна – писательница, переводчица стихов М.Ю. Лермонтова, А.И. Полежаева, А.К. Толстого, А.А. Фета на французский и английский языки; поэзии Г. Лонгфелло, П. Шелли – на русский. К ней обращались с просьбой оказать помощь в переводах и А.А. Фет, и Вл. С. Соловьев. В РГАЛИ (Ф. 453) хранятся рукописи Н.М. Соллогуб (повесть «С двух концов света», переводы, воспоминания, дневники), а также письма её и к ней. Возможно, интерес к переводческой деятельности у Сумбатова был пробуждён графиней Н.М. Соллогуб. Воспитанный в атмосфере любви к литературе, он позднее переводил английских и итальянских поэтов.

Граф Алексей Васильевич Олсуфьев¹ в письме великому князю К.К. Романову заметил, что графиня Наталья Михайловна Соллогуб обладала «изящным поэтическим дарованием», была одним «из близких друзей» Фета, что ей «он посвятил многие из своих стихотворений» [10, с. 243–244]. Нам удалось обнаружить только три стихотворения, написанные в последние годы жизни Фета: «Графине Н.М. С-ъ» (15 февраля 1888); «Графине Наталье Михайловне Соллогуб» («Тобой привычный восхищаться...») (24 января 1891); «Графине Наталье Михайловне Соллогуб» («О, Береника! Сердцем чую...») (28 января 1892) [12, 415–416]².

¹ Нам удалось выяснить, что граф А.В. Олсуфьев жил в соседнем доме с Соллогубами по адресу: ул. Поварская, 66 (в наст. вр. – 50). Этот знаменитый особняк Святополк-Четвертинского принадлежит в настоящее время ЦДЛ.

² Стихотворения А.А. Фета цитируются по изданию 1912 г. [12; 12], поскольку, на наш взгляд, Н.М. Соллогуб, тесно связанная с Фетом и дружескими, и творческими отношениями, не могла не приобрести для своей богатейшей библиотеки новое, наиболее полное собрание стихотворений лирика.

В фонде Соллогубов хранится черновик письма Н.М. Соллогуб А.А. Фету [8, л. 1–5 об.], ценившему поэтический талант не только графини, но и её мужа Фёдора Львовича Соллогуба. Датировка стихотворений Фета, посвящённых Н.М. Соллогуб, и черновик письма графини поэту-лирику от 28 апреля 1892 г. (за полгода до смерти Фета) свидетельствуют о том, что в течение нескольких лет Наталья Михайловна тесно общалась с Афанасием Афанасьевичем и его семьей, бывала у него дома. В черновике письма графиня Соллогуб благодарила поэта «за всегдашнее любезное внимание» к ней [8, л. 5], а также сообщала «о прекрасном стройном впечатлении», вынесенном ею из «благословенного дома» семьи Фета [8, л. 2 об.]. Кроме того, мы узнаём, что Владимир Соловьёв входил в круг их общих друзей: «Обижает меня Соловьёв тем, что не едет, – он пообещался мне заняться со мною изданием стихотворений моего мужа, – время уходит, и я боюсь, что мы ничего не успеем сделать до будущей осени» [8, л. 2 об.–3], – сетовала корреспондентка. Н.М. Соллогуб делилась с другом сокровенными проблемами и собственного поэтического творчества: «Я только что вернулась из Москвы и спешу послать Вам мои лучшие, теплейшие пожелания здоровья, спокойствия – и мои скромные крохи» [8, л. 5] (речь, по-видимому, идёт о 23 стихотворениях, о которых ранее графиня упоминала).

Одиннадцатилетний Вася Сумбатов появился в усадьбе Соллогубов в Кудрине на углу Поварской и Никитской улиц¹ через тринадцать лет после смерти Фета. Воспитание в семье, принадлежавшей к слою московского культурного дворянства и высшей интеллигенции, поэтические пристрастия Н.М. Соллогуб отозвались в творчестве В. Сумбатова, способствовали тому, что будущий поэт-эмигрант впитал и преобразовал

¹ Дореволюционный адрес: Поварская, 68 – Большая Никитская, 77 (в настоящее время – Поварская, 52 – Большая Никитская, 55). Ранее усадьба принадлежала родителям Натальи Михайловны и представляла собой «музей средневековых достопримечательностей» (особая ценность – картинная галерея и коллекция оружия). Подробнее см.: 7; 14.

в соответствии с собственным дарованием поэтические традиции предшественников.

Поэтическое влияние Фета на Сумбатова значительно, о чём свидетельствуют, в первую очередь, произведения, в которых сам автор напрямую обозначил «фетовские» традиции. О первой любви, о грёзе-мечте «в дни злобы и насилия» повествует сумбатовское стихотворение «Нам так легко простить друг друга...» [9, с. 169–170], эпиграфом к которому служит первый катрен из двухстрофного восьмистишия «Запретили тебе выходить...» [12, с. 89], написанного Фетом 7 июля 1890 года, на склоне лет, за два года до смерти, – вероятно, как воспоминание о своей первой ранней любви (существуют и другие версии об истории создания этого стихотворения Фета). Трагизм вынужденной разлуки в фетовском стихотворении, состоящем из одного предложения и представляющем собой период, подчёркнут в первой строфе троекратным анафорическим повтором глагола-сказуемого неопределённо-личного предложения «запретили», а также восходящей градацией, воссоздаваемой при помощи «расширения» состава предложений: «Запретили тебе выходить, / Запретили и мне приближаться, / Запретили, должны мы признаться, / Нам с тобою друг друга любить...» [курсив мой. – Н.Т.]. «Тебе», «мне», «должны мы признаться, / Нам с тобою друг друга...» – так образ лирического героя «Я» трансформируется в единое, неразделимое – «Мы». Такой лирический герой предстает и в стихотворении Сумбатова, посвящённом предположительно одной из дочерей Николая II, написанном, по всей вероятности, ещё до эмиграции:

*Нам так легко простить друг друга,
Понять друг друга нам легко,
Хоть разметала жизни вьюга
Нас друг от друга далеко.
Судьба, как строгая мамаша,
Нас рассадила по углам,
Но всё ж не вянет дружба наша,
И не страшна разлука нам.
Бывают дни – нас отпускает
Судьба вдвоем играть, шалить, –*

На время нас соединяет,
Чтоб после снова разлучить.
О, как мы в эти дни играем!
Тоска уходит далеко,
Мы любим всё, мы всё прощаем,
Что и для взрослых нелегко!
Свирель любви поёт нам звонко,
И песни множатся в крови,
И мы, как два больных ребёнка,
Играем в кубики любви. (Курсив мой. – Н.Т.).

Если первая строфа фетовского стихотворения эксплицитно реализуется в стихотворении поэта-эмигранта, то вторая – имплицитно: «Но чего нам нельзя запретить, / Что с запретом всего несовместней, – / Это песня: с крылатою песней / Будем вечно и явно любить!» [12, с. 89].

«Фет безглагольный» незримо присутствует в стихотворениях Сумбатова «Былое» и «Над морем». «Вечер вешний. Ветра трепет; / Блеск росинок средь травы; / Шорох, шелест, внятный лепет / Тихо шепчущей листвы...» («Былое») [9, с. 75], «И луны немые взгляды, / И звезды вечерней блеск, / Шелестящих сосен сень, / Тени синие утёсов... / Ни волненья, ни вопросов, / Мир в душе, и свет, и лень...» («Былое») [9, с. 76] – образы прошлого, навеянные стихами любимого поэта.

Стихотворение «Фетовское» [9, с. 250–251], помещённое в книгу русского итальянца «Прозрачная тьма» (Ливорно, 1969), вдохновлено необычайно лиричным музыкальным стихотворением поэта-предшественника «Сияла ночь. Луной был полон сад...» [12, с. 340].

ФЕТОВСКОЕ

Сияла ночь, и сад стихами Фета
Шептал луне о прелести весны,
И разгорался ярче лик луны
От нежных слов любимого поэта.

Серебряным казался старый дом,
Распахнуты все окна были в зале,
Из них текла мелодия печали,
Переливаясь тоже серебром.

Ты, вырвавшись из будничного плена,
Сошла к роялю в полутёмный зал,

И с нежных пальцев капал и сверкал,
Как слёзы под луной, ноктюрн Шопена.

Стихотворный размер у Сумбатова обусловлен дословной цитатой – инверсией-метафорой «Сияла ночь», открывающей фетовское стихотворение, а шестистопный ямб Фета у поэта-эмигранта трансформируется в пятистопный. Сжимается стих (сжалось время), но философско-метафизическое осмысление основ мироздания у обоих поэтов родственно. Мотив памяти, былой любви, вечность музыки, воплощающей красоту мира, сияние весенней ночи связывают оба стихотворения. Каждому православному христианину известна главная сияющая ночь после весеннего полнолуния. Не случайно начало Пасхального годичного круга богослужений отмечено Сумбатовым в стихотворении «Новый год», посвящённом Д. Кленовскому¹ («Мы признаем, как вся природа, / Приход весны началом года / И празднуем наш Новый год, / Когда подснежник расцветёт...» [9, с. 256]).

Следует отметить, что в конце выше упомянуемого черновика письма А.А. Фету графиня Н.М. Соллогуб пишет: «Мне отрадно нести Вам всё то, что для меня является образцом и выражает красоту» [8, л. 5 об.]. Таким образом, красота, разлитая в Божьем мире и синонимичная духовному понятию «любовь» («Бог есть любовь»), воспринимается и Фетом, и его адресантом как высшая духовная ценность. В поэзии Сумбатова эта тема реализуется, в первую очередь, в лейтмотивах пасхальной радости и надежды на грядущее Воскресение: «Всегда открыто всем Евангелие Природы, / От века нам оно глаголет о Христе! / Внемлите ж всей душой, смятенные народы, / О Радости, Любви и Вечной Красоте!» («Евангелие природы») [9, с. 40].

Сумбатов, подобно Фету, способен, вопервых, «тесно соединить жизнь души с жизнью природы, находить всегда отзвук своим чувствам в ней», «давать поэтиче-

¹ Поэт второй волны эмиграции Д. Кленовский оказался очень близок Сумбатову и по возрасту, и по духовному мироощущению.

ский отклик на разнообразные её явления», как «может только истинный поэт...» [10, с. 3], во-вторых, видеть «далеко не для всех заметную связь между землёй и небом» [10, с. 7] («На чужбине», «Родное», «Евангелие природы», «К Небу», «Ранняя весна», «В лесу», «Вечернее», «С природой», «Дождя хрустальный частокол», «Осень», «Лучи», «Где-нибудь у ручья, у леска...», «Свод неба нынче синий-синий...», «Утро в лесу», «Звёзды», «Апрель», «В горах», «Два моста», «Старый бор», «Музыка зноя», «Светлячки», «Навсегда», «Первая любовь», «Весна», «Звезда», «Ночная тишина» и др.) В стихотворении «С природой» Сумбатов утверждал, что природа – «...свет и утешенье, / В ней Смерти мир и Жизни сладость, / В ней все мечты и вдохновенье, / Вся красота, любовь и радость» [9, с. 138].

Однако, в отличие от Фета, Сумбатов не только тонкий лирик – в его творчестве органично синтезированы и гражданственность, и сатира. «Между певцов я старовер и в новом мире чужестранец» [9, с. 60], – декларировал Сумбатов в стихотворении «Старовер» (помещено в сборнике стихотворений 1922 г.). Вместе с тем, будучи апологетом классической литературы, Сумбатов является не эпигон-подражателем, а самобытным поэтом, впитавшим и развившим традиции предшественников.

В ранее написанных статьях (о диалоге Сумбатова с А.С. Пушкиным, Ф.И. Тютчевым, Вл.С. Соловьёвым) нами отмечалось, что изучение творчества Сумбатова даёт возможность не только проникнуть в тайники его поэзии, постичь особенности мастерства, но и развенчать устоявшиеся мифологизированные представления о поэтах-предшественниках, с кем изгнанник ведёт диалог, предложить новые интерпретации их произведений. Диалог Сумбатова с Фетом служит ярчайшим подтверждением выводов литературоведов В.А. Шеншиной, В.Н. Аношкиной, В.А. Кошелева и их сторонников, что Фет не был раздвоенной и противоречивой личностью с атеистическими убеждениями.

Редактор собрания стихотворений Фета Б.В. Никольский в статье о Ф. Сологубе (Тетерникове) противопоставлял Фета модернистам [10]. Отличительные особенности Фета, обозначенные Никольским, в полной мере характеризуют и Сумбатова, поскольку оба поэта предстают как цельные гармоничные личности. Каждый «был здоровой, сильной натурой, человеком с твердым характером и таковыми же убеждениями, идущими неуклонно к раз намеченной цели...» [10, с. 17]. Ни Фет, ни Сумбатов никогда не поддавались «ходячим мнениям из угождения толпе», хранили «лучшие заветы золотого века русской литературы, заветы, которые должны быть святы для каждого истинного художника» [10, с. 20]. «Ни одного темного, мутного чувства», в отличие от модернистов, их поэзия «не возбуждает», а способна только облагородить читателя [10, с. 19].

Предметом углублённого изучения традиций Фета в творчестве Сумбатова могут стать проявления целостности личности, характерные для обоих поэтов; пасхальность, литургичность и соборность как доминантные особенности творческого мира каждого из них; достойны сопоставления композиционная целостность сборников стихотворений; образно-символическая, мотивно-тематическая организация поэтических книг; поэтика заглавий и эпиграфов; музыкальность (особенности мелодики, ритмики, звукописи), метафоричность, инверсионность, графическая техника; переводческая деятельность...

Анализ диалога поэтов двух эпох свидетельствует о том, что Сумбатов, являясь достойным наследником фетовских традиций, – подлинный самобытный поэт, чьё творчество органично вливается в мощный поток русской литературы XX века.

ЛИТЕРАТУРА:

1. Аношкина В.Н. Предисловие // Шеншина В.А. А.А. Фет-Шеншин. Поэтическое мирозерцание. – М.: Добросвет, 2003.
2. Бахтин М.М. К методологии гуманитарных наук // М.М. Бахтин. Эстетика словесного творчества. – М., 1986. – С. 381–384.

3. Бухштаб Б.Я. А.А. Фет: Очерк жизни и творчества. – Л.: Наука, 1974. – 136 с.
4. Кошелев В.А. Афанасий Фет: преодоление мифов. – Курск: Изд-во Курс. ун-та, 2006. – 336 с.
5. О смерти А.А. Фета // Российский Архив: История Отечества в свидетельствах и документах XVIII–XX вв.: Альманах. – М.: Студия ТРИТЭ: Рос. Архив, 1994. – С. 240–244.
6. Письма В.А. Сумбатова к И.А. Персиани // РГА-ЛИ. Фонд № 2294. Опись 1. Ед. хр. 84.
7. Русский биографический словарь. Бетанкуръ – Бякстеръ. – СПб., 1908. – С. 158–159.
8. Соллогуб Н.М. Письма [Фету] Афанасию Афанасьевичу // Письма Соллогуб Натальи Михайловны. – РГАЛИ. Ф.453, оп 1., ед. хр. 234. Л. 1–5 об. – 28 апреля 1892 г.
9. Сумбатов В.А. Прозрачная тьма: Собрание стихотворений / Сост. Л.Ф. Алексеевой; науч. ред. и подготовка текста В. Резвого. Предисл. и биогр. справка С. Гардзонио. – Pisa; М.: Водолей Publishers, 2006. – 408 с. – (Русская Италия).
10. Тихомиров В.М. Поэзия Фета. – Киев, Типография Имп. ун-та, 1914. – 20 с.
11. Трубецкой Ю.В. Рец. на: Сумбатов. Стихотворения. Милан, 1957 // The New Review Новый журнал. – Нью-Йорк, 1958. Кн. 52 (III). – С. 302.
12. Фет А.А. Полное собрание стихотворений А.А. Фета / С вступ. ст. Н.Н. Страхова и Б.В. Никольского Т. 1. – СПб.: т-во А.Ф. Маркс, 1912. – 470 с.
13. Фет А.А. Полное собрание стихотворений А.А. Фета / С вступ. ст. Н.Н. Страхова и Б.В. Никольского Т. 2. – СПб.: т-во А.Ф. Маркс, 1912. – 442 с.
14. Фролов А.И. Боде-Колычев Михаил Львович // Московская энциклопедия. Лица Москвы. Т. I. Кн. 1. А–З. – М.: Изд. центр «Московведение», 2007. – С. 200.
15. Чулков Н.П. О русской генеалогии / Публ., [вступ. ст. и примеч.] А.И. Егорова, О.Н. Наумова // Российский Архив: История Отечества в свидетельствах и документах XVIII–XX вв.: Альманах. – М.: Студия ТРИТЭ: Рос. Архив, 1999. Т. IX. – С. 559–573.
16. Шеншина В.А. А.А. Фет-Шеншин. Поэтическое миросозерцание. – М.: Добросвет, 2003. – 254 с.